

Э. Я. Гребиева

НЕКОТОРЫЕ ТЕМНЫЕ МЕСТА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В СВЕТЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

I

Что такое *въсражить*?

«Вльци грозу *въсражатъ* по яругамъ». Эта фраза с загадочным словом *въсражатъ* встречается в описании половецкой степи, когда князь Игорь вступает в нее со своим войском, и больше это слово уже ни разу не повторяется. Больше того, оно не встречается и в известных памятниках древнерусской литературы, так что И. И. Срезневский, зарегистрировав его в «Материалах для словаря древнерусского языка», ссылается только на «Слово о полку Игореве», приводя этот единственный пример, который тоже ничего не объясняет. (Срезневский I, 420).

Таким образом, *въсражить* — это одно из загадочных слов «Слова о полку Игореве». Правда, данное место памятника все же читается, хотя с приблизительным, но все же вероятным смыслом, ибо имеющиеся в предложении слова *гроза* и *волки* подсказывают, что ничего хорошего это не сулит.

Но все же, что такое *въсражать*? Этот вопрос вставал перед многими русскими переводчиками и комментаторами «Слова».

Современная книга, которая должна быть ключом к объяснению «Слова о полку Игореве», на этот вопрос ответа не дает: в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве»¹ против слова *въсражить* стоит вопросительный знак. Различные исследователи предлагали свои поправки, считая, что *въсражатъ* — это результат искалечения какого-то другого слова. Словарь-справочник предлагает эти поправки: И. Снегирев предлагал исправить на *върожатъ*, Ф. Е. Корш — на *ворожать*, Вс. Ф. Миллер — на *въгражать*, А. А. Потебня и за ним А. С. Орлов и Д. С. Лихачев предлагали *въсрашаютъ* (к этому же мнению присоединилась в 1968 г. и В. П. Адрианова-Перетц: «*въсражатъ* — возможно вместо *въсрощать*»²). Л. А. Булаховский предложил — *въссожити*.

Больше всего, таким образом, оказалось сторонников у *въсрощати*, которое соотносится с современным *взъерошить*. По приведенным в Словаре-справочнике примерам, его значение — ‘взъерошить; поднять дыбом’³.

В соответствии с таким толкованием и в некоторых переводах появляется слово *поднимают*. Интересно сопоставить, как переводили эту фразу различные переводчики, исходившие из разных толкований. Вот далеко не полный список переводов⁴.

1. А. И. Мусин-Пушкин — «волки по оврагам вытьем своим страхом нагоняют».
2. В. В. Капнист — «волки по оврагам напастьюми угрожают».

3. В. А. Жуковский — «и волки угрозою воют по оврагам».
4. Н. М. Карамзин — «звери ревут в пустынях».
5. М. Д. Деларю — «волки бури идут по оврагам».
6. А. Н. Майков — «воют волки по крутым оврагам».
7. К. Д. Бальмонт — «по оврагам волки воют».
8. С. В. Шервейнский — «накликают грозу по оврагам неведомым волки».
9. Г. Шторм — «волки грозу манят по оврагам».
10. И. Новиков — «волки по оврагам выкликают грозу».
11. В. И. Степлецкий — «волки грозу накликают по оврагам».
12. Н. А. Заболоцкий — «по оврагам волки завывают».
13. Д. С. Лихачев — «волки грозу подымают по оврагам»; и в объяснительном переводе — «волки (воем своим) грозу подымают по оврагам»⁵.

Из этих переводов видно, что слова *гроза* и *въсрожать* переводчики понимали по-разному, многие передавали их как поэтическую метафору, где слова употребляются в переносном значении.

Но метафора ли это?

Сопоставим еще переводы этой фразы на родственные славянские языки — чешский, словацкий и польский. В чешских переводах: «*vlci hrůzu nařádějí v roklích*» (пер. Йоз. Юнгмана)⁶; «*vlci hrůzu vsroží po roklinách*» (пер. В. Ганкы)⁷; «*vlci hrůzu stužují po jar-kách*» (пер. М. Гатталы)⁸; «*vlci hrůzu vzbuzují po výmolech*» (пер. К. Я. Эрбена)⁹; и в словацком переводе Я. Коморовского¹⁰ «*vlci po jaminách hrôzu nařádajú*». Во всех этих переводах мы видим одно и то же слово — чеш. *hrůzu* и словац. *hrôzu*, которое является переводом слова *грозу*, однако значение этого слова в современном, как и в древнем, чешском и словацком языках — *страх, ужас*. Такие же значения слова *гроза* отмечает Срезневский в древнерусском языке: Взыде гроза ихъ надъ всеми людьми; гроза мя обходит; и примеры из «Слова о полку Игореве» — грозы твоя по землямъ текуть, грозою бяшеть притрапал (Срезневский I, 595). Отмечаются и вторичные, переносные значения — ‘ад’ и ‘явление природы’. Последнее значение в современном русском языке стало главным, первым значением, однако при переводе с древнерусского языка следует учитывать именно древнее его значение и ему подбирать эквивалент. В чешском и словацком языках сохранилось древнее значение слова *гроза*, и там оно употребляется в его прямом значении, без всякой метафоризации¹¹. Этим и объясняется такое единодушное употребление его у всех переводчиков на чешский и словацкий язык.

Иначе обстоит дело с глаголом-сказуемым в переводе этой фразы. *Въсрожатъ* чешские переводчики, как и русские, передают приблизительно, по общему смыслу фразы: волки ужас (страх) нагоняют (*nařádějí*, словац. *nařádaju*), возбуждают (*vzbuzují*), успливают (*stužují*) и *въсрожатъ* (*vsroží*) — Ганка это слово не переводит совсем. Это объясняется тем, что ни этого слова, ни однокоренных с ним слов чешские переводчики в своем языке не нашли.

Обратимся к польским переводам. В польских переводах читаем: «*wilci groźnie się srożą po jarugach*» (пер. А. Белевского)¹²; «*wilk*

wyje groźno po jarugach» (его же стихотворный перевод); «wilki po jarugach grozą srożą» (пер. А. Брюкнера)¹³; «grożą srożą się wilki ponuro» (пер. Ю. Тувима)¹⁴; таким образом, *гроза* входит в состав однокоренных слов, *jarugi* и поныне в польском языке, и у всех переводчиков — *srożą*.

А. С. Орлов приводит мнение С. Гедеонова («Варяги и Русь», 1876 г.), который, «высказавшись за присутствие западнославянских слов в разных русских памятниках домонгольского периода, нашел такие речения и в «Слове о полку Игореве» (например: *въсрожити* и др.)¹⁵. А. С. Орлов решительно не высказываеться в поддержку такого утверждения, хотя считает, что западнославянская стихия в лексике «Слова» есть. Однако в своем комментарии к «Слову о полку Игореве» А. С. Орлов не упоминает о таком мнении и дает только известные уже варианты толкования *въсрожити*, которые упомянуты нами выше¹⁶.

Л. А. Булаховский, предполагая первоначальное *въсрожить*, выдвигает новую гипотезу: «Высказываю еще одну догадку — слово, может быть, родственно польскому *srogī* в его значениях «суроый, жестокий, страшный, ужасный»; ср. глаголы *srożyć się, srożeć, nasrożyć*. Приходится предполагать при этом, что в «Слове» эта форма проникла (ср. и рус. *строгий*) в ее полонизированной оболочке, а не в соответствии старославянскому *срагъ*¹⁷. Гипотезу свою Булаховский поддерживает лишь одним примером из украинского языка XVII в.: «Срожатся и звѣрове, але кгды са наедат скромнѣйши ми бывають».

Употребление польского слова *srożyć* для передачи *въсрожить* в нескольких польских переводах, сделанных на протяжении столетия, является убедительным доказательством того, что польское *srożyć* и русское *въсрожити* — это одно и то же слово, но только в «Слове» употребленное с приставкой.

Такие глаголы с близкими приставками *въ* и *въс* (*въз*) встречаются в памятнике многократно: тогда Игорь въэрѣ на свѣтлое солнце; конец копия въскрѣмлени; тогда въстуши Игорь князь въ златъ стремень; невеселая година въстала; въстала обида въ силах Дажбожа внука; въступила дѣвою на землю Троянию; въсплескала лебедиными крылы; жены руския въсплакашась; а въстона бо, братие, Киевъ тую, а Черниговъ напастми; притопта хльмы и яругы, възмуты рѣки и озера; всю ночь с вечера босуви враны възграяху; коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбивает; възлелей, господине, мою ладу къ мнѣ; въшуми трава; Игорь князь въврѣялся на брѣзъ комонъ.

Ясно, что и *въсрожить* относится к приставочным образованиям этого типа.

Теперь обратимся к гнезду глагола *srożyć* и его значениям.

В словаре польского языка С. Б. Линде мы находим подробное объяснение этого слова, которое имеет ряд значений. Одно из них документируется такими примерами: *w prawą Scyla, w lewą Charybda srożeją* (справа Сцилла, слева Харибда грозит (угрожает); *nie każdy śmiały, co się swierzchnie sroży* (смел не всякий, кто с виду страшен

(грозен); w takim mu srożeniu się z ust iskry padają (в таком гневе у него из уст искры летят) (Linde, V, 420).

В этимологическом словаре польского языка приводится состав этого гнезда: *srożyć się*, *srożeć*, *srogosć*, которые возводятся к праславянскому *sorg (Brückner, 511). «В русском языке, — указывает здесь Брюкнер, — есть только *строгий* со вставным *t*, в чешском языке этого слова нет».

Сопоставления, следовательно, показывают, что в русском языке этот корень с *у щ е с т в у е т*, но только в несколько фонетически измененном виде — со вставным звуком *t* между согласными *c* и *r*.

Такое вставное *t* — не редкость в фонетических системах славянских языков. В русском языке мы встречаем, например, *срам* и *страм* с пометой «народное» (Преображенский, II, 368), *встреча* при ц.-слав. *срѣтение* (название церковного праздника).

Целое гнездо слов этого корня приводит И. И. Срезневский: *сърѣсти*, *сърѣстися*, *сърѣтати*, *сърѣтение*, *сърѣтити*, *сърѣтъ*, *сърѣчати* (все в современном русском языке означают ‘встреча, встретить, встретиться’ и т. п.) (Срезневский, III, 818—819), но не отмечена современная форма — *встреча*. Видимо, вставное *t* является элементом более позднего происхождения. Ср. также укр. *стринути*, *стрити* — ‘встретить’ и ст.-чешск. *stř tnuti*, польск. диал. *po rata * — ‘приветствовать при встрече’ (Фасмер, III, 740).

Можно привести еще межъязыковые сопоставления, отражающие эту же фонетическую закономерность: рус. *середина* — польск. *środek* — чеш. *st ed*, рус. *среда* — польск. * roda* — чеш. *st eda*, рус. *серебро* — польск. *srebro* — чеш. *st ibro*.

Таково же соотношение между польским *sro ys*, *srogi* и русским *строгий*. Фасмер указывает, что слово *строгий* обычно считают заимствованным из польского (Фасмер, III, 779). В. Махек считает, что чешское *stroh * является новым заимствованием из русского (есть чешский синоним — *p isn *) и перенесено в область нравственных понятий (Machek², 582), кроме значения ‘строгий’, имеет значения: ‘скатый, краткий, скупой’ (*stroh   sla  u edn ch zpr v* — скучные цифры официальных сообщений); польское *srogi* — ‘жестокий’ (Фасмер, III, 779).

Словарь польского языка Линде дает возможность установить промежуточные, переходные значения от *sro ys* ‘угрожать’ к современному значению слова *srogi* ‘строгий’: *srogi* может означать и ‘*srogim się stawi *’ (‘выглядеть грозным, строгим’) и ‘*srogo post powa *’ — ‘поступать строго’ (Linde, V, 420); значения *srogi* — ‘*surowy, nieu yty, nieludski, straszny, ja r z cy si *’ (‘яростный’) (Linde, V, 417).

Таким образом, из сопоставления с польским словом *sro ys* устанавливается общность корня и значений как с современным *строгий*, так и с древнерусским *въсражить*.

Въсражить не однозначное слово, оно, видимо, имело целую шкалу оттенков, которые объединяются в группу родственных и близких понятий — от значения польского *sro ys* ‘угрожать’ до ‘предостерегать’, ибо вся эта группа слов сближается со *сторегу*, *сторож*,

указывает Фасмер со ссылками на Шахматова и Преображенского (Фасмер, III, 779); к этой же группе относится и чеш. *vrástraha* 'грозное предупреждение'.

Из всего сказанного мы делаем вывод, что в слове *въсрожитъ* никаких поправок делать не следует, что его значение следует соотносить с существующим в польском языке *srożyć*, а также со значениями слов этой группы, имеющимися в русском и чешском языках.

Что же касается перевода этой фразы, то мы склоняемся в пользу старших авторов, давших наиболее близкий по смыслу перевод: первого издания — *волки вытьем своим страх нагоняют*; В. В. Капниста — *волки по оврагам напастьми угрожают*; В. А. Жуковского — *и волки угрозою воют по оврагам*.

Но вместе с тем, поняв, что такое *въсрожатъ*, мы считаем, что лучше, чем в «Слове», сказать невозможно: *волки восрожат* — 'угрожают, воют, пугают, предостерегают' — все в одном слове. Это тот случай, когда любой, самый точный перевод, слабее оригинала, потому что многословнее.

После того как настоящая работа была сдана в печать, Г. Н. Моисеевой была обнаружена в Праге на полях рукописи перевода В. Гапки (рукопись хранится в Национальном музее, публикацию см. в прим. 7) против слова «*въсрожатъ*», которое Ганка не понял и просто переписал чешскими буквами, пометка карандашом, сделанная рукой Й. Добровского, показывающая, что Добровский возводил это слово к польскому *srożyć*, *srogi*. Однако Ганка в печатном издании даже полемизировал с Добровским: «не может быть *srogi*, потому что в русском *строгий*». Так и получилось, что замечание Й. Добровского осталось неизвестным миру, а слово «*въсрожить*» было непонято.

Замечание Й. Добровского будет опубликовано в готовящейся к печати книге Г. Н. Моисеевой и М. М. Крбец «Памятники русской культуры XI—XVIII веков и чешский славист Иозеф Добровский».

II «Усобица княземъ на поганыя погыбе»

Эта фраза — одно из ключевых мест «Слова о полку Игореве», от правильного прочтения которого зависит и перевод.

Как определил К. Маркс, «смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»¹⁸. Но в художественной ткани произведения содержится не только призыв как таковой, но показаны и последствия междуусобиц и забвения общих интересов Русской земли ради интересов узких — только своего рода или княжества. Собственно, произведение создано для того, чтобы показать гибельность раздоров и феодальной раздробленности. Призыв к единению является уже естественным выводом автора «Слова».

Однако лаконизм и афористичность языка «Слова», древние формы и их значения, которые к нашему времени уже значительно изменились или наполнились иным содержанием, зачастую затрудняют

понимание текста памятника. Так случилось и с фразой «усобица княземъ на поганыя погыбе».

Главную трудность здесь представляет понимание значения предлога *на*, ибо с помощью предлога устанавливается зависимость между словами, а по ней — смысл всего словосочетания.

У предлога *на* множество значений, все они перечисляются в соответствующей статье, посвященной этому предлогу в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве»¹⁹. Предлог *на* в рассматриваемой фразе отнесен к значению *против*. Этим было определено понимание, что усобица *против поганых*, а *погыбе* определяется как ‘прекратиться, исчезнуть’, и в доказательство приводится эта же фраза²⁰. Из такого понимания и возникает перевод: «борьба князей против поганых прекратилась»²¹, «война князей с погаными к концу пришла»²², и даже «война с погаными князьями не удается»²³. А между тем в этой же статье Словарь-справочник приводит и другие значения слова *погыбе*: ‘подвергнуться разрушению, гибели, умереть’²⁴. Но они оставлены в стороне, потому что принято значение ‘против’ у предлога *на*. Согласно такому прочтению, приходится и значение слова *усобица* как-то приоровать, в результате чего получается ‘борьба’ и ‘война’.

И переводчики не заметили, что такое толкование вступает в противоречие с контекстом, где дальше автор разъясняет: рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начяша князи про малое се великое мльвити, а сами на събѣ крамолу ковати: а погани съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую²⁵.

О какой же войне или борьбе идет речь? Автор ясно сказал — о междуусобной: «усобица князем на поганыя погыбе».

Неверное прочтение этой фразы идет традиционно от перевода А. И. Мусина-Пушкина, где читаем: «Перестали князья нападать на неверных, брат брату стал говорить: сие мое, а то мое же. Начали князья за малое будто бы за великое ссориться и сами на себя крамолу ковать»²⁶. И хотя многие прочтения, принадлежащие Мусину-Пушкину, уже пересмотрены, исправлены, это осталось нетронутым. И мало кто заметил, что такой перевод противоречит идеи «Слова». Идея — призыв к единению, к борьбе против половцев, а здесь заявляется, что борьба прекратилась. Такой перевод противоречит и исторической правде, ибо на самом деле она не прекращалась, а только велась разрозненными силами.

Чтобы установить истинное значение этих слов, надо проанализировать каждое слово в отдельности и отношения между ними.

Начнем со слова *усобица*. Это не ‘борьба’ и не ‘война’ с половцами, потому что против половцев были ‘рати’, ‘плѣкы’ (‘то было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сици рати не слышано’).

И. И. Срезневский указывает только одно значение слова *усобица* — ‘междуусобие’ (Срезневский, III, 1269), подтверждаемое примерами из древнерусской литературы, в том числе и данным примером из «Слова». Подобное же значение этого слова, сохранившееся в диалектах, указывает В. И. Даль: усobный, междуусобный или усобич(щ)ный, относящийся до усобицы, до взаимной домашней

вражды, драки, до раздора среди народа, в семье (Даль², IV, 513). Примеры, приводимые Далем, точно соответствуют тому значению, которое мы имеем в «Слове о полку Игореве»: усебица царства не устроит; в усобице брат на брата руку подымает (ср.: «рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же»).

Со словом *усебица* сочетается *княземъ* в форме дат. пад. мн. числа. Усебица *княземъ* можно перевести двояким способом: *усебица для князей* или с притяжательным прилагательным — *княжеские усебицы*.

Далее — *на поганый*. Уже в начале статьи мы обратили внимание на важность понимания значения предлога *на*. В «Материалах» Срезневского среди многих значений этого предлога приводится и значение причины, которое иллюстрируется примером: не могуще разлучитися *на мнозѣ слезъ их и едва разлучистася* (Срезневский, II, 265) — не могли разлучиться из-за слез и едва разлучились. Предлог *на* с подобным же значением приводится и в Словаре-справочнике: А имъ же уимется умъ, или *на чернѣи кручинѣ падеть*, или бѣсуется, то ии приходящаго къ собѣ терпить врача, но выгонить или самъ бегаетъ²⁷.

Подобное значение этого предлога мы встречаем и в украинском языке — значение причины или основания действия: не треба ся *на дівчат бити* (Гринченко, II, 461) ‘не следует из-за девушек драться’. Значение причины имеет этот предлог и в болгарском языке: *на что мя боли глава* (Геров, III, 112) ‘отчего у меня болит голова’. В польском и чешском языках предлог *на* и доныне сохранил причинное значение: в польском *umrzes na tyfus*²⁸ — ‘умереть от тифа’; в чеш. *zemřiti na tuberkulozu*²⁹ — ‘умереть от туберкулеза’.

Сопоставление показывает, что причинное значение предлога *на* наблюдается в ряде славянских языков, следовательно, оно было явлением общеславянским, поэтому вполне закономерно его наличие и в древнерусском языке. В современном русском языке оно вытеснено другими, более употребительными значениями, поэтому и не принималось во внимание переводчиками и исследователями. Л. А. Булаховский не был согласен с традиционным пониманием разбираемой фразы, потому что пытался добраться до ее смысла путем поправок. «Перед нами несомненное искажение первоначального текста», — пишет он.³⁰ Предполагая порчу текста, он пытается найти другие варианты, например: вместо *не было ошибочно написано на*, процущено слово *нас*, и тогда смысл был бы: ‘усебица у князей подвинула (навела) на нас поганых’. Или другой вариант: *погыбе* — недописанное слово, и если читать ‘усебица князем не поганым погибель’, то получится более приемлемый смысл. Но все это, подчеркивает Булаховский, только «в большей или меньшей мере смелые догадки, за пределы которых нам не выйти»³¹.

Булаховский был очень близок к истине, мешало ему только непонимание предлога *на*. Принимая причинное значение этого предлога в данной фразе, мы получаем ключ к ее пониманию.

Последнее слово фразы — *погыбе*. В той форме, как оно написано в имеющемся у нас тексте «Слова», его принимали за глагол в форме аориста 3 л., ед. ч. Отсюда и понимание *усебица погыбе* — ‘перестала,

прекратилась'. Мы, как и Булаховский, предполагаем, что это было слово *погыбель*, но последние две буквы были либо выносными над строкой, поэтому их могли не заметить при расшифровке текста, либо они могли оказаться перенесенными на другую строчку и уже не осознавались как принадлежащие этому слову, потому что *погыбе* — тоже полноценное и значимое слово, но оно воспринималось уже как глагол. Подобное написание можно увидеть и в Сузdalской летописи по Лаврентьевскому списку³² (расположение строк соблюдается как в оригинале):

и сказаша имъ свою погыбе
ль они же слышавше поидо
ша къ нимъ . . .

Эти перенесенные две буквы могли быть утрачены при какой-то переписке, а могли быть потеряны и при расшифровке. Но если читать восстановленное слово *погыбе(ль)*, то данная фраза читается: *усобица княземъ на поганыя погыбе(ль)*, что переводится: *княжеские усобицы — от половцев погибель*.

Еще одним фактом в пользу нашей поправки служит, на наш взгляд то, что И. И. Срезневский в «Материалах» под словом *погибе* не приводит этот пример из «Слова о полку Игореве», хотя во всех других случаях примеры из «Слова» приводятся обязательно. Следовательно, Срезневский не был уверен, что в данной фразе надо видеть глагол *погыбе*.

За предлагаемое прочтение этой фразы говорят и исторические факты.

Б. А. Рыбаков, рассматривая памятник XIII в., посвященный усобицам — «Слово о погибели Руския земли», пишет: «Автор „Слова о погибели“ откровенно принял историческую схему „Слова о полку Игореве“: после благополучных лет Ярослава (Мудрого) начались годы крамол и усобиц, началась „болезнь“, продолжавшаяся до Владимира (Мономаха); „болезнь“ проявилась и при нынешних князьях (для автора 1185 г. — при Игоре, а для автора начала XIII в. — при сыновьях Всеволода Большое Гнездо). „Болезнь“ не связана ни с половецкой угрозой, ни с татарским нашествием; болезнь, ведущая к погибели, — внутренний разлад, разъедающий „светло-светлую и украсно-украшенную землю Руськую“»³³.

Сопоставляя переводы этого фрагмента «Слова о полку Игореве» на славянские языки, мы обратили внимание на тот факт, что, начиная со слов *рекоста бо братъ брату* и до конца фразы, все переводчики единодушны — понимают и переводят одинаково. Первые же слова *усобица княземъ на поганыя погыбе* не у всех нашли одинаковое понимание. Некоторые эту фразу не поняли, но не приняли и толкование А. И. Мусина-Пушкина, поэтому опустили ее совсем. Так, Данило Медич перевел на сербский язык следующим образом:

Несложни су сви кнезове,
И не љубе свога рода,
Сваки држи обште благо
У својије лични згода.

Ј ош брат брату тако прича:
«То је моје, а не твоје».
И ратују међу собом.
Од немиле туђе руке
Руска земља пада, гине,
Међутиме как кнезови
За мале се ствари брине³⁴.

Д. Медич ничего не говорит здесь о том, что борьба князей против половцев прекратилась: недружны все князья и не любят своей отчизны, каждый видит общее благо только в том, что ему на пользу. И в конце строфы: от чужих, поганых рук русская земля приходит в упадок, между тем как князья затевают ссоры из-за мелочей.

В двух переводах Ю. Тувима также нет речи о том, что князья прекратили борьбу против половцев³⁵.

Переводчики на чешский язык П. Папачек³⁶ и Ф. Кубка³⁷ перевели эту фразу не по Мусину-Пушкину, а в соответствии со своим пониманием. Поскольку им известно причинное значение предлога *на* в родном языке, они увидели такое же значение и в древнерусском тексте. П. Папачек перевел: *Mezi knížaty spory a nám hynouti od pohaný, nebot' řekl bratr...* (между князьями споры, а нам погибель от поганых, ибо сказал брат брату...); Ф. Кубка: *Knížeci svář — nám od pohaný zhoubá* (княжьи усобицы — нам от поганых гибель).

Примечательно, что А. Майков, специально занимавшийся изучением «Слова о полку Игореве», пришел к такому же пониманию: «от усобиц княжьих — гибель Руси»³⁸.

Эта афористическая фраза, четкая и глубокая, как формула, ниже троекратно раскрывается автором «Слова»:

1) ... рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начяша князи про малое се великое млѣвiti, а сами на себѣ крамолу ковати: а погании съ всѣхъ странъ приходжаху съ побѣдами на землю Рускую;

2) А князи сами на себѣ крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле съ двора;

3) Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо беше насилие отъ земли половецки.

Таким образом, из идеи произведения, из его контекста, на основе сопоставительного анализа переводов вытекает, что и первая, и последняя фраза этой части «Слова», посвященной бедствиям русской земли, содержат одну и ту же мысль: «из-за усобиц ведь настало насилие от земли половецкой» (пер. Д. С. Лихачева)³⁹.

Эта мысль, троекратно повторенная, — не просто констатация факта, а грозное предупреждение. Такое понимание подчеркивает идею, заложенную автором в «Слове о полку Игореве».

Примечания

¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Под ред. Виноградовой В. Л. М.—Л., 1965, вып. 1, 149 (далее — Словарь-справочник).

² Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, 79.

³ Словарь-справочник, вып. 1, 149. -

- ⁴ Все переводы взяты из издания: «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта. Л., 1967.
- ⁵ «Слово о полку Игореве» / Под ред. Адриановой-Перетц В. П. М.; Л., 1950, 57, 79.
- ⁶ Slovo o pluku Igorově: Ruský text v transkripcí, český překlad a výklady J. Jungmanna z R. 1810 vydal a úvodem opatřil František V. A. v Praze, 1932.
- ⁷ Igor Svatoslavovič, hrdinský zpiev s připojením českého a nemeckého přeložení od Wacława Hanky, v Praze, 1821.
- ⁸ Slovo o pluku Igorově / Prel. Martin Hattala. Praha, 1858.
- ⁹ Dvě spěvá staroruských, o vypravě Igora a Zadonština. Vydal K. J. Erben, v Praze, 1869.
- ¹⁰ Slovo o pluku Igorovom / Prel. Komorovsky Jan. Bratislava, 1960.
- ¹¹ Kopečný F. Základní všešlovanská slovní zásoba. Academia, Praha, 1981, 124, где указано, что *groza* (*hrúza*, *hróza*) во всех славянских языках, кроме русского, имеет значения *страх*, *ужас* (Schrecken, Schander), в восточнославянских языках *гроза* — 'явление природы', в болгарском только прилагательное *грозен* — 'отвратительный'.
- ¹² Wyprawa Igora po Połowów: Poemat słowiański wydany przez Augustina Bielowskiego. Lwów, 1833.
- ¹³ Brückner A. Hystoria literatury rosyjskiej. Lwów — Warszawa; Kraków, 1922, 1, 144.
- ¹⁴ Słowo o wyprawie Igora / Przeł. Julian Tuwim, Kraków, 1928.
- ¹⁵ Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М. Л., 1946, 202.
- ¹⁶ Там же, 99—100.
- ¹⁷ Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. статей под ред. Адриановой-Перетц В. П., М.—Л., 1950, 151.
- ¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, 122.
- ¹⁹ Словарь-справочник, вып. 3, 130.
- ²⁰ Словарь-справочник, вып. 4, 105.
- ²¹ Слово о полку Игореве / Под ред. Адриановой-Перетц В. П. М., 1950.
- ²² Слово о полку Игореве. М.: Просвещение, 1981, 186.
- ²³ Слово о полку Игореве. М.: Просвещение, 1965.
- ²⁴ Словарь-справочник, вып. 4, 105—106.
- ²⁵ Древнерусский текст цитируется по первому изданию: Ироническая песнь о походе на половцев Игоря Святославича. М. 1800, 19.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См. Словарь-справочник, вып. 3, 135.
- ²⁸ См. Польско-русский словарь, М., 1963, 288.
- ²⁹ См. Чешско-русский словарь. М., 1959, 303.
- ³⁰ Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. статей под ред. Адриановой-Перетц В. П., 159.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: Сузdal'skaya letopis' po Lavrent'evskomu spisku. — В кн.: Хрестоматия по истории русского языка Обнорского С. П. и Бархударова С. Г. М., 1952, 132, строка 47.
- ³³ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, 80.
- ³⁴ Слово о полку Игоревом: Превое и объяснио Данило Медин у Светом Петрограду, 1870, 38.
- ³⁵ Słowo o wyprawie Igora: Przeł. J. Tuwim. Kraków, 1928. Słowo o wyprawie Igora: Przeł. J. Tuwim. Wrocław, 1950.
- ³⁶ Ottova světová knihovna; Priseň o vypravě Igorově, přeložil a úvod napsal Papaček Pavel. Pr., 1926, 35.
- ³⁷ Slovo o pluku Igorově. Pr., 1946.
- ³⁸ Цит. по кн.: Слово о полку Игореве. М.: Детская лит-ра, 1975, 118.
- ³⁹ Там же. 39.